

ВОКРУГ ГЛОБУСА СВЕТА

5 1975
МАЙ

МУНИШКЕРЬ

Юрта Ашербая стоит на лугу, покрытом сухой травой. Метрах в ста от нее начинаются заросли высокого прибрежного камыша. Дальше — синева Иссык-Куля...

— Салам, — сказал Деменчук, откидывая полог. — Ашербай-ата дома?

Маленькая старушка поздоровалась степенно:

— Здравствуй, мунишкер Деменчук. Ашербай лису гонит. Уже третий день гонит, как не надоест старику?

Айша, жена Ашербая, набросила на низкий столик узорную ска-

терть, расставила пиалы, высыпала целую гору баурсаков — зажаренных в жире кусочков теста, достала из мешка твердые шарики сухого овечьего сыра.

Проведя руками по лицу, как того требовал обычай, все уселись вокруг низенького стола, скрестив ноги. По Киргизии мы с товарищем странствовали долго, и потому этот способ сидения уже не мучил нас, как в первые дни.

Из большого чайника с голубыми цветами Айша налила в пиалы

Мунишкер Ашербай и его верный беркут Тюлкалды.

заварку, потом кипяток, добавила молока, и разговор начался. Деменчук спрашивал, Айша отвечала, покачивая седой головой.

— Говорит, теперь он реже ездит, — перевел нам Деменчук. — Старый стал, только признаться не хочет. Хвастается: «Я молодым нос утру. Волка, — говорит, — возьму. Будет тебе, Айша, шуба». А зачем мне эта шуба? Лучше бы дома сидел. Лучше бы внуков нянчил. Отдал бы сыновьям этих страшных птиц...

Говорит, Ашербай на сырт поехал, только беркута взял. — продолжал переводить Деменчук. Айша слушала его, согласно покачивая головой. — Сокол его вон сидит...

Мы оглянулись. На деревянной скамеечке сидела небольшая коричневая птица, сидела тихо, как неживая. Но тут, словно почувствовав наши взгляды, сокол шевельнулся, открыл круглые жестко-прозрачные глаза, завертел головкой с коротким, загнутым клювом, затоптал по скамеечке, стуча длинными когтями.

— Кой! Кой! — прикрикнула на него Айша.

— Вот птица! — с восхищением сказал Деменчук. — Фазана ест с перьями, с костями, как мы бутерброд с маслом. Не клюв, а ножницы, проволоку перекусит. Ястреб-тетеревятник — у того другой характер. Деликатная птица. Фазана ошпишет, что твоя кухарка.

Деменчук сел на любимого конька. Геннадий Аркадьевич Деменчук, биолог-охотовед, был директором Иссык-Кульского госохотзаповедника и основателем единственного в стране охотничьего хозяйства «Семиз-Бель» с питомником и школой ловчих птиц. Его страстью были ястребы. Здесь, на Иссык-Куле, он считался крупным специалистом по этой охоте. Редкий случай, даже признанные мастера Ашербай и Айваш называли его «русский мунишкер Деменчук».

¹ Кой — тихо (кирг.).

В 3-м номере «Вокруг света» за 1974 год был опубликован очерк В. Михайлова «Красная птичья потеха». В редакцию пришло много писем, в которых читатели просят вернуться к теме охоты с ловчими птицами. Владимир Бобров из Москвы высказал пожелание прочесть на страницах журнала очерк об охоте с беркутом.

— Айша говорит, Ашербай-ата скоро придет. Будем ждать?

Решили в ожидании хозяина осмотреть окрестности.

Ашербай поставил юрту неподалеку от села Оттук. На окраине его лежало обширное каменное поле. Было покрыто оно кустиками сухой колочки да высокими шапками чия. Красные камни лежали здесь густо, один к одному, и грани их тускло блестели на солнце. Неземной, странный вид имела каменная равнина. И в этом безжизненном поле грустно сиял белизной и вычурной красотой построек древний город. Были здесь стройные башни минаретов, дворцы с куполами, крепости с воротами и полуразрушенными стенами.

— Это кладбище, — сказал Деменчук. — У каждого ушедшего должен быть достойный дом. Этот дом называют «кумбес».

Один кумбес особенно заинтересовал нас. Над его куполом распростер крылья металлический беркут. Вытянув когтистые лапы и опустив голову, он словно падал на добычу.

— Корголдоев Турумбек, — прочитал Деменчук. — Это был великий мунишкер. Только я не встречался с ним. Говорят, когда он стал стар, отпустил своего беркута на свободу. Такое нечасто бывает. Обычно дарят сыновьям или друзьям-охотникам.

Мы подняли головы. Небо было так прозрачно, что взгляд проваливался в синеву и даже сердце сжималось щемящим чувством падения. Только одна крошечная точка была в небе. На огромной высоте, одинокий и недоступный, парил беркут. И конечно, все мы подумали: может, это тот самый беркут Турумбека?

...Ашербай приехал поздно. Багровый закат, наискось перечеркнутый синими облачными стрелами, уже догорал. Мы услышали неспешный перестук копыт и ласковый мужской голос.

— Ой, молодец, Сергак, говорит, — начал переводить Деменчук. — Хорошо у тебя дело пошло. Ты мне одну лису взял и другую лису взял. Спасибо тебе, Рахмат¹. Сейчас, говорит, похватаемся хозяйке.

— Айша! — крикнул Ашербай за юртой.

— Ну, как дела? С добычей? — спросила Айша, хотя не хуже нас слышала разговор Ашербая с орлом.

— Хорошо у него получилось, — ответил Ашербай с гордостью. — Вчера одну тюлку

взял, нынче другую. Не говори теперь, что мы постарели.

Ашербай вошел в юрту, провел руками по лицу. Поздоровался с Деменчуком, поздоровался с нами. Все это было сделано неторопливо, с большим достоинством и, главное, очень доброжелательно. Не было никакого сомнения, что хозяин юрты рад приезду гостей.

Мунишкер оказался крупным красивым стариком с живыми карими глазами. Когда он присел у стола, то оказался выше нас всех. Айша, успевшая стреножить коня, принесла таз и полила ему на руки из большого белого кувшина.

Ашербай затих, словно глубоко задумался, он даже глаза закрыл. И вдруг негромко, по-прежнему не открывая глаз, то ли запел, то ли заговорил нараспев. И я сразу догадался, что это стихи. Голос Ашербая то поднимался, то спадал до шепота, повинувшись ритму. Вроде того, как растет, набегающая на пологий берег, волна. Тихо, тихо — а потом вдруг поднимается гребнем, словно вырастает из самой себя, и раскатывается протяжным речитативом.

— Это «Манас», — тихо сказал Деменчук. Мы знали, что «Манас» — героический эпос народов Киргизии, поэма размером около миллиона стихотворных строк. Но как читают «Манас», нам еще не приходилось слышать.

— В горах, что сверкают под солнцем, в прекрасных лесах Бокая охотились с беркутами великие мунишкеры, но один был среди них первым — сын великого Манаса — Семетей... — пересказывал Деменчук «Семетей» одну из книг эпоса. В ней вся школа воспитания ловчих птиц. Весь опыт охотников за многие века собран и изложен в поэтической форме. Каждый большой охотник знает «Семетей» наизусть, а в старости передает это знание сыну или внуку.

В сухих травах зашелестел ветер. Вскрикнул тонким горловым писком обеспокоенный беркут. Ашербай открыл глаза, погладил огромную птицу по тугим жестким перьям. Услышав крик беркута, приподнялся на сильных лапах и грозно развел крылья сидящий рядом сокол, сверкнули боевым блеском холодные его глаза.

— Кой! Отр!¹ — прикрикнул Ашербай. Сокол потоптался, устраиваясь удобнее, и затянул глаза белесой пленкой.

— Мой беркут родился на скале, в горах Аккудук, где только камни. Леса там нет, снега тоже

нет, — заговорил Ашербай, и Деменчук стал переводить.

— В горы одному ходить нельзя. Со мной был товарищ. Я привязал к поясу аркан и пошел вниз. Друг был наверху. Он спустил на один аркан, привязал другой, потом третий. Когда он привязал четвертый, я увидел гнездо... Беркут был маленький и отважный, кусал мои руки и кричал. Я спеленал его, привязал к аркану, и друг поднял его наверх.

Три дня беркут не пил воды, не брал мяса, кричал, звал свою мать. На четвертую ночь взял мясо. Так он решил жить со мной.

Когда у него подросли крылья, я убил лису. Сделал чучело. На чучело стал класть мясо. Он прыгал и клевал. Я отнес чучело дальше, он подбегал и снова подходил там мясо. Потом я не клал мяса, он все равно хватал — и за это я давал ему есть из своих рук... Потом я привязал аркан и потянул чучело по земле. Он долго смотрел, поднялся и ударил сверху. Он кричал от радости, и я давал ему много мяса.

Мы поехали в горы. Я не звал никого. Только он и я. Если он промахнется, ему будет стыдно. Мне тоже. Но эта охота подарила нам радость. Мой беркут взял тюлку — красную лисицу. Когда возвращался — пел песню про своего орла. Я назвал его Тюлкалды — берущий лису. Это было его первое имя...

Много лет прошло, а мы все ездим в горы. Сколько лис взял Тюлкалды, не сосчитать, горного козла тоже брал, даже волка брал. Теперь люди знают моего орла по крику и лету. Никто не видел, чтоб он промахнулся. Люди дали ему второе имя — Сергак, быстролетающий.

Ветер стих. Стало слышно, как булькают, блуждая в камышах, волны.

— Дышит, — кивнул Ашербай в сторону озера. — Спать не хочет. Однако, ветер будет. Завтра.

— Здесь, у берега, что? — продолжил он после того, как Айша в который уж раз наполнила пиалы чаем. — Здесь фазан, заяц, голубь. Их сокол берет... А с беркутом надо ехать далеко. Карагман, Карасас. Там, на сырте, места много, и он любит, когда широко... Если лиса бегаёт, а Сергак летает, она не уйдет. Она не бежит даже. Стоит, на него смотрит. Он падает, бьет крылом, хватается...

Утром действительно поднялся ветер. Правда, ветром его трудно

¹ Рахмат — спасибо (кирг.).

¹ Отр — на место (кирг.).

Темное пятно раскинутых крыльев заслоняет желтизну лисьей шкурки. Будто ладонью прикрыли пламя свечи...

было назвать. Ветер видно по тучам пыли. Это было какое-то стремительное течение ослепительно чистого воздуха.

Мы объехали западный берег и у Рыбачего повернули встреч ветру. Тут-то мы почувствовали его настоящую силу. Вихрь нес низко над землей крупный песок и гравий. Наш «газик», завывая, раздвигал лбом эту яростно напирющую пустоту.

— Сдирает краску, что твоя пескоструйка, — жаловался шофер. — Приедем, посмотрите. До железа сдирает, аж блестит.

— Как называется этот ветер? — спросили мы.

— Это не один ветер, — отозвался Деменчук. — Два их. Как сойдутся — получается вот этот. Станешь против него, дышать нельзя, легкие раздрает.

Иссык-Куль больше не был «осколком неба», как называли его поэты Востока. Он нес на себе тяжелые мутно-зеленые волны. Пены не было, ее срывал ветер. Волны бросались на берег, с корнем вырывая камыш. Озеро казалось выпуклым, как огромная линза. И странно было видеть, что над всем этим взбудораженным, смятым ветром миром светит чистое небо и солнце играет в снежниках Терской-Алатау.

В середине дня мы приехали к мунишкеру Айвашу в колхоз «Кызылберлик». 72-летний охотник оказался маленьким, подвижным и очень веселым человеком. Он что-то быстро говорил Деменчуку и смеялся, вытирая слезы.

— Вот, вспоминает, как в кино

снялся со своим орлом. Его Сары-беркут никак, говорит, не хотел стать артистом. Все наоборот делал. Надо лететь — сидит, надо сидеть — он крыльями машет. Оператора, говорит, сильно невзлюбил, чуть не заклевал. Говорит, как бы опять чего не вышло...

В большом, добротном доме Айваша мы пробыли сутки и услышали столько охотничьих рассказов, что хватило бы на целую книгу.

— Вот ты скажи, почему молодой не бывает мунишкером? — вопрошал Айваш и, подняв палец, внушительно объяснял. — Молодой как охотится? Побойсь да побольше ему надо. Орел такую охоту не любит. Он красивую охоту любит. А если ты ему «давай, давай», он совсем летать не будет... Старый человек не спешит. Куда спешить, когда конец дороги видать? Старому человеку корысти не надо. Есть вон горы, Сары-беркут есть. Чего еще нужно-то?! У старого человека глаза, может, и похуже молодых глядят, зато красоту лучше видят...

За ночь ветер стих. Рано утром Айваш поднял нас.

— На сырт поедем, — сказал он по-русски. — На сырт долго ходить надо.

Мы ехали, поднимаясь все выше в горы, и солнце поднималось вместе с нами. Только в середине дня достигли мы урочища Кызылбош. Совсем мертвой казалась эта земля, если бы не горные голуби. Они взлетали со скал, быстрые, бесшумные, как тени.

Бесплодными были наши поиски. Но Айваш не унывал, поглядывал на нас веселыми глазами и пел песни.

— О чем он поет? — спрашивали мы.

— О том, что едем, ждем охоты, а лисы нет. Спряталась она.

Но вот песни Айваша стали заунывными, он все реже и реже оглядывался на нас, и мы, не так уж часто ездившие в седле, устали привставать на стремянах и тряслись так, что сырт сливался перед глазами в бесконечную мутно-красную плоскость. Айваш снова запел высоким тенором.

— С беркутом говорит, — сказал Деменчук.

— И что же говорит?

— Всякое. Старуха моя сварила мясо, — скороговоркой переводил Деменчук, подражая Айвашу. — Позвали людей. Люди пришли и дали свое «бата» — добро. Они сказали, что ты, Сары-беркут, стал теперь ловчим орлом. Так получил ты признание людей. Пятнадцать лет ловишь ты красных лис, и я очень доволен тобой... Вот приехали двое ребят из Москвы. Хотят увидеть, какой ты охотник. Хотят снимать, как берешь ты толку. Смотри, не подведи меня...

Орел, спокойно сидевший на кожаной рукавице Айваша, вдруг приподнялся на жилистых лапах, наклонился вперед и распахнул огромные крылья. Клюв его приоткрылся, и стал виден острый, загнутый вверх язычок.

Рука Айваша потянулась к голове беркута и неуловимым движением сорвала колпачок.

Короткие перья на темени беркута поднялись, он медленно оглянулся, глаза его были как чистейший лед. Он снова раскрыл клюв и издал странный, не похожий ни на какие другие звуки охотничий крик — то ли свист, то ли резкий пульсирующий писк.

Словно желтое пламя блеснуло среди камней и скрылось в колючих шарах алтыгана. Лиса!

Беркут крикнул снова, и обезумевший от страха зверь выскочил из колючек и стрелой полетел по камням.

Страшно и пронзительно закричал Айваш и поскакал вперед.

— Айдай! Айдай!

Беркут тяжело, так что лошадь шарахнулась в сторону, снялся с рукавицы, и широкая тень его скользнула по земле.

Лиса желтым огнем мелькает среди камней, стремительна, вертка, неуловима.

Полет беркута тяжел, взмахи огромных крыльев медлительны, вялы, и все же до странности бы-

стро лиса оказывается под ним. Беркут на мгновение застывает, распластавшись и свесив голову, и вдруг мягко, стремительно проваливается. Темное пятно раскинутых крыльев заслоняет желтизну лисьей шкурки. Будто ладонью прикрыли пламя свечи...

На следующий день мы были в «Семиз-Беле». Заехали в питомник, прошли мимо всех 18 вольеров с беркутами, соколами, ястребами. Тетеревятники встретили хозяина пронзительными криками. На шум, поднятый ястребами, зло и задиристо откликнулись соколы, размеренно и равнодушно подали голос орлы.

Деменчук надел рукавицы из толстой кожи, посадил на руки ястребов, и мы поехали к берегу; там в высокой траве кормились фазаны.

Было раннее утро. Солнце еще не встало. Только снежинки горели золотым текучим огнем. Иссык-Куль был спокоен. Ни малейшей ряби. Бескрайняя, чистая синева. На травах, листьях тальника и ольхи мелкая роса, словно соль. За собакой густо-зеленый извилистый след. Она сразу убежала вперед, отчетливые утренние запахи сводили ее с ума.

Очень тихо. Далеко разносится звон маленьких круглых колокольчиков, подвязанных к хвостам ястребов-тетеревятников.

— Ох, этот пойдет. Ох, он по-

чуял, — хриплым шепотом сообщает Деменчук. И правда, ястреб на правой руке возбужденно крутит маленькой головкой, горят кошачьим огнем круглые глаза.

Метрах в пятидесяти впереди собака делает стойку. Из-под ее морды с оглушительным хлопанием взлетает радужно-пестрый фазан-петух. Ястребы срываются с рукавиц, унося дробный звон колокольчиков.

Почувявший погоню фазан делает броски, и пара ястребов крыло в крыло повторяют их, но с меньшим радиусом и потому быстро настигают беглеца.

— Бьет! Ударил. Ай, нет! Промазал! — кричит Деменчук не своим голосом, и мы тоже кричим и бежим по высокой траве.

Впереди три мелькающие точки. Вдруг один ястреб взмывает вверх, делает «горку», словно истребитель, и резко пикирует. Два далеких пятна, маленькое — ястреб, побольше — фазан, сливаются в одно и падают в траву.

— Видали, как ударил! — торжествует Деменчук. — Стрела!

Солнце стоит высоко. Мы возвращаемся. Иссык-Куль дышит, поднимаясь и опадая пологими волнами. Сильно пахнут маленькие сиреневые цветы кокомерена, и тюлку-куйрук — лисий хвост клопнит по ветру пышные метелки.

— Чтоб люди забыли о ружьях, вот чего я хочу, — говорит Деменчук. — Охота с птицей никогда не обеднит землю...

Если в киргизском селе умирает мунишкер, плакальщицы, воздавая хвалу охотнику и его птице, скорбят: «...Разве не сядешь ты на коня и не поскачешь в поле широкое, в горы горбатые с беркутом железнокоготным; или не побегут уж больше по травам густым красная лисица и бурый волк, устрашаемые клетотом орла и криком твоим охотничьим; или не возрадуются уж наши глаза красной лисице и бурому волку, притороченным к торокам седла? На кого ты покинул нас? На кого покинул верного беркута, что тоскует на насесте во дворе, ожидая тебя, ожидая, что поскачешь ты, великий охотник, в поле широкое, в горы горбатые и кинешь его в небо высокое?..»¹

...Человеку отпущен недолгий срок. И все же мунишкеры не умирают. В этом, без сомнения, убеждены те, кто приедет на Иссык-Куль через десять, пятьдесят и сто лет. Кто знает, может, тогда и наступит «золотой век» охоты с ловчими птицами, время без дробы и пороха, о котором мечтает Геннадий Деменчук.

¹ Записано Ч. АЙМАТОВЫМ.

Лучшие мунишкеры живут здесь, на берегу Иссык-Куля.

